

Николай Сладков

СКАЗКИ ЛЕСА

Художник Б. Игнатъев

«КНИГИ «ИСКАТЕЛЯ»

ББК 84(2)
С47

МЕДВЕДЬ И СОЛНЦЕ

Просочилась в берлогу вода — Медведю штаны промочила.

— Чтоб ты, слякоть, пересохла совсем! — заругался Медведь. — Вот я тебя сейчас!

Испугалась вода, зажурчала тихим голо-сом:

— Не я, Медведушко, виновата, снег во всём виноват. Начал таять, воду пустил. А моё дело водяное — теку под уклон.

© Н. Сладков, наследники, 2006
© Илл. Б. Игнатьев, 2006
© Оформление «Книги «Искателя», 2006
© ООО «Книги «Искателя», 2006

ISBN 5-94743-278-1

— Ах, так это снег виноват? Вот я его сейчас! — взревел Медведь. Испугался снег. Заскрипел с перепугу:

— Не я, Медведь, виноват, солнце виновато. Так припекло, так прожгло — растаешь тут!

— Ах, так это солнце мне штаны промочило? — рявкнул Медведь. — Вот я его сейчас!

А что «сейчас»? Солнце ни зубами не схватить, ни лапой не достать. Сияет себе. Снег топит, воду в берлогу гонит. Медведю штаны мочит.

Делать нечего — надо убираться Медведю из берлоги. Поворчал, поворчал, да и покосолапил. Штаны сушить. Весну встречать.

ЧЬЯ ПРОТАЛИНА?

Увидела Сорока первую проталину — тёмное пятнышко на белом берегу.

— Тра-та-та! — крикнула. — Никак проталина? — Потом подумала и добавила: — Моя! Моя проталина, раз я первая её увидела!

На проталине семена кой-какие,

жучки-паучки копошатся, бабочка-лимонница лежит на боку — греется. У Сороки глаза разбежались, и клюв уж разинула, а откуда ни возьмись — Грач.

— Здравсьте, уже явилась! И прямо на мою проталину. Не красиво!

— Это почему же она твоя? — застрекотала Сорока. — Я первая её увидела!

— Ты увидела, — гаркнул Грач, — а я к ней за тыщу вёрст торопился. Тёплые страны покинул. Не будь её, и меня бы тут не было. Где проталина — там и мы, грачи. Моя проталина!

Прилетел на шум Жаворонок, присмотрелся, прислушался и защебетал:

— Весна, солнце, небо ясное, а вы всё ссоритесь. И где — на моей проталине!

Сорока и Грач только крыльями всплеснули.

— Почему же она твоя? Наша это проталина, мы нашли. Наша проталина!

— А я родился на ней! — пискнул Жаворонок.

Вскочил на кочку, прижмурил глаза, горлышко у него задрожало — и полилась песня, как снеговой ручеёк: зазвенела, забулькала, зажурчала. Сорока и Грач клювы разинули — заслушались.

Долго бы, наверное, слушали, разомлев на вешнем солнышке, да дрогнула вдруг под ногами земля, вспучилась бугорком и рассыпалась. И выглянул Крот:

— Никак в проталину угодил? Так и есть: земля мягкая, снега нет. И пахнет... Уф! И пахнет... Уф! Весной пахнет! Весна, что ли, наверху?

— Весна, весна, землерой! — сварливо закричала Сорока.

— Знал, куда угодить! — подозрительно буркнул Грач.

— Тебе-то зачем наша проталина? — спросил Жаворонок.

Крот принялся к Грачу, Сороке и Жаворонку — глазами-то он худо видит! — чихнул и говорит:

— Ничего мне от вас не надо. И проталина ваша мне не нужна — разве что землю вытолкнуть из норы. Вот вытолкну — и назад. Потому что, чую, плохо у вас. Ссоритесь, чуть не дерётесь. Да к тому же, светло и сухо здесь! Брр! Не то, что у меня в норе: темно, сыро. Благодать! Да ещё и весна у вас тут какая-то...

— Да знаешь ли ты, что такое весна! — возмутился Жаворонок.

— Не знаю и знать не хочу! У меня под землёй круглый год одинаково.

— Весной проталины появляются, — сказала Сорока.

— Да вот никак поделить не можем, — напомнил Грач.

— А зачем она вам? — удивился Крот. — Проталина как проталина.

— А семена! — подскочила Сорока. — Ростки зелёные?

— Посидеть, походить, размяться! — гаркнул Грач. — Носом в земле порыться!

— А петить-то как над проталиной хорошо! — взвился Жаворонок. — Сколько в

поле проталин — столько и жаворонков над ними. И все поют! Нет ничего лучше нашей проталины.

— А чего вы спорите, раз она ваша? — не понял Крот. — Жаворонок хочет петить над ней — пусть поёт. Грач хочет маршировать — пусть марширует.

— Да, а Сорока в это время до зёрнышка всё склюёт! — закричали Грач и Жаворонок. — Разве так справедливо?

— Тогда сперва ешьте все, — сказал Крот. — А там видно будет.

«И в самом деле, — подумали Грач, Сорока и Жаворонок. — Лучше поесть, чем ссориться. А там видно будет».

Сорока и Грач семена и зёрнышки подобрали, Жаворонок жуков-пауков выловил. Дочиста проталину вычистили. Клювы о траву прошлогоднюю вытерли и огляделись. Тут и в самом деле стало видно, что пока они спорили, появились в поле другие проталины. И каждая проталина — как скатерть-самобранка. Всё на ней есть — подходи и пируй!

И птицы отправились вслед за весной — от проталины к проталине. Потянулись за ними следы лапок, испачканных рыжей глиной. Весенние птичьи следы на оставшемся ещё снегу.

ЗИМНИЕ ДОЛГИ

Расширился Воробей, так и подскакивает!

А Ворона как каркает:

— Чему, Воробей,

возрадовался, чего расширился?

— Стрась дратся охота! — отвечает Воробей. — А ты тут не каркай, не порть мне весеннего настроения!

— А вот испорчу! — не отстаёт Ворона. — Как задам вопрос!

— Во испугала!

— И напугаю. Ты крошки зимой в птичьей столовой у школы клевал?

— Клевал. Спасибо ребятам, подкармливали.

— То-то! — надрывается Ворона. — А чем ты за всё это расплачиваться думаешь? Своим чикчириканьем?

— А я один, что ли, пользовался? — ра-

стерялся Воробей. — И Синица там была, и Дятел, и Сорока, и Галка. И ты Ворона, была...

— Я раньше всех расплачусь! Слышишь, в поле трактор пашет? А я за ним из борозды всяких вредителей выбираю. Сорока с Галкой мне помогают. А на нас глядя, и другие птицы стараются.

— Другие, может, и думать забыли, — упирается Воробей.

Но Ворона не унимается:

— А ты слетай да проверь!

Полетел Воробей проверять. Прилетел в сад, там Синица в новой дуплянке живёт.

— Поздравляю с новосельем! — Воробей говорит. — На радостях-то небось и про долги забыла!

— Не забыла, Воробей, — отвечает Синица. — Меня ребята

зимой вкусным сальцем угощали, а

я их осенью сладкими яблочками угощу. Сад стерегу от плодояжорок и листогрызов.

Делать нечего, полетел Воробей дальше. Прилетел в лес, там Дятел стучит. Увидал Воробья, удивился:

— По какой нужде, Воробей, ко мне в лес прилетел?

— Да вот расчёт с меня требуют, — чирикает Воробей. — А ты, Дятел, как расплачиваешься?

— Уж так-то стараюсь, — отвечает Дятел. — Лес от древоотцево и короедов оберегаю.

«Ишь ты, — задумался Воробей. — А я думал...»

Вернулся Воробей и говорит Вороне:

— Твоя правда! Все за зимние долги отработывают. А я что — хуже других? Как начну вот птенцов своих комарами, слепнями да мухами кормить! Чтобы эти кровососы ребят не кусали! Мигом долги верну!

Сказал так и давай опять чирикать и подскакивать. Пока свободное время есть. Пока воробьята в гнезде не вылупились.

КЛЁСТ И ДЯТЕЛ

— Смотрю, Дятел, на твой нос и сравниваю со своим, — сказал Клётс. — Твой прямой, как стамеска, а мой, как две кривые отвёртки. И всё-таки мой кривой по-лучше твоего прямого будет.

— И чего в нём, кривом, хорошего? — Отвернулся Дятел. — А из-под моего, прямого, только щепки летят!

— В этом-то и беда! — вскрикнул Клётс. — Ты стамеской своей деревья портишь, а я отвёрткой кривой всего лишь чешуйки на шишках отгибаю, семена достаю. Глядишь, одно-другое семечко уроню, — оно и прорастёт. Выходит, я лес сажаю, а ты его рубишь. И лесу, выходит, я друг, а ты — враг. И всё из-за твоего прямого носа!

Дятел от обиды даже долбить перестал.

— Полюбуйся-ка на свои труды! — не унимается Клётс. — Осину исковырял, словно её топором тесали.

— Осина больная была. Я её от сверлильщииков и точильщииков разных спасал. Этим вот самым носом!

— Спасибо, Дятел, — проскрипела Осина. — От смерти спас — совсем засыхала.

Клёст от удивления клюв свой кривой разинул.

— Но он, долбонос, и здоровые деревья калечит! Вон как Берёзу изрешетил — словно дробью прострелянная. Вся береста в слезах.

— Не слёзы это, — прошелестела Берёза. — Просто капельки сока выступили из пробоинок. Пробоинки заплывут, я и думать о них забуду.

— А я не забуду! — пискнула Бабочка-траурница. — Капельки эти весной от голода меня спасли. Спасибо, Берёза!

— Спасибо, Дятел, — замахали усиками муравьи. — Целебный берёзовый сок нам силы вернул — очень мы за зиму отощали.

— Спасибо, Берёза и Дятел, — запищали синички белощёкие, долгохвостые и хохлатые. — Славно мы сладким соком поугощались!

Все кричали, пищали, свистели. Только Дятел смотрел на Клёста и молчал.

А Клёст не хотел молчать, так и вертел своим кривым носом.

— Ты, — кричит, — глубокие дупла в деревьях выдалбливаешь! А сколько, сколько вас, дятлов, в лесу? Каждый по дуп-

лу — и весь лес дырявый. Я, значит, сажаю, а вы дырявите!

— Чем больше дупел в лесу, — крикнул Поползень, — тем больше нас, дупло-гнезdnиков! А чем больше нас — тем меньше лесных вредителей! А чем меньше лесных вредителей — тем лесу лучше! А чем лучше лесу — тем лучше всем! И тебе, Клест, тоже!

— Слышал? — повернулся Дятел к Клесту.

Клест только крылышками развёл.

— У-го-годил Дятел и мне! — выкрикнул Сыч. — В дуплах у меня морозильники. Мышей и полёвок зимой замораживаю. Про запас. А от них лесу вред.

— Слышал? — снова Дятел Клеста спросил.

Тут Синичка-Гаичка пищит:

— Гай, гай, где бы мы, пичужки, в мороз и вьюгу зимой прятались, где бы зимнюю ночь коротали? Спасибо ему, строителю-долбоносу!

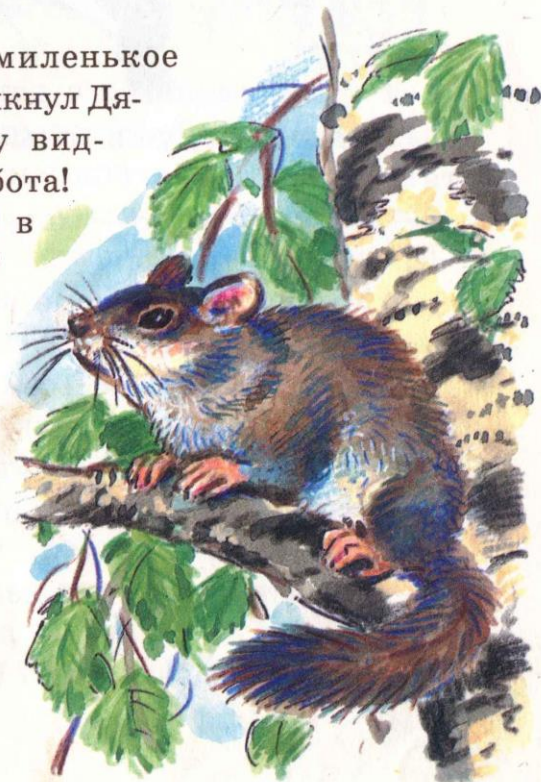
— Слышал? — повернулся Дятел к Клесту.

А того уже и след простыл.

КТО В МОЁМ ДОМЕ ЖИВЁТ?

— Что за миленькое дупло! — вскрикнул Дятел. — Сразу видно — моя работа! Кто-то теперь в нём живет? Эй, откликнись!

В ответ ни звука. Постучал Дятел носом о порожек дупла. А из дупла — Мышь! Носик острый,

глаза навывкате, уши голые. И усы блестят.

— Кто тут стучит — мне спать не даёт? Дятел отшатнулся:

— Мыши в моём доме завелись! Знал бы — дупло не долбил.

— А я ведь, Дятел, совсем не Мышь. Ты хвост мой видел? Хочешь, хвостик тебе покажу? — И высунула из дупла хвост — пушистый! А у мышей, как известно, хвосты голые.

— Так кто же ты, раз не Мышь? — не верит Дятел.

— Соня я. Садовая Соня. Грызун такой.

— Садовая, а в лесу живёшь?

— Где хочу, там и живу.

— Не для тебя я дупло долбил, а для птиц-дуплогнездников.

— А мне что делать? Я Соня, я спать люблю, а где лучше спать, как не в дупле? Не на земле же валяться, чтоб простуду схватить.

Дятел не знает, что и сказать.

А Соня своё:

— Думаешь, в дуплах твоих одни птицы живут? Проверь! Сама из дупла уйду, если одни птицы.

Полетел Дятел в осинник: там у него больше всего дупел выдолблено. Прицепился к крайнему и закричал:

— Эй, жилец, покажись! Это я, Дятел-домостроитель. Посмотреть хочу, кто в дупле моём поселился.

Высунулось из дупла непонятное — крыло или лоскут? Кожаное что-то, как на спицах распяленное. Что за птица?

— Я зверь, не птица! — стрекочет голос. И показалось тельце — в шерсти! Оскаленный рот с зубами, уши —

как лопухи. Дятел от страха даже глаза зажмурил.

— Да не пугайся ты! — стрекочет зверёк. — Я всего лишь Мышка летучая. Спасибо тебе за дупло!

Но Дятел был уже далеко, он в третье дупло стучал. Постучал и насторожился: неизвестно, кто там в дупле притаился?

— Не стучи, не глухая — слышу! — говорят из дупла. — Кто такой?

— А ты кто такая? — Дятел спрашивает. — Бегаешь или летаешь?

— Лазаю я. А ещё бегаю и летаю.

— Ну и жильцы! — ахнул Дятел. — Сони какие-то, похожие на мышей. Мыши какие-то, на птиц похожие. И вот ещё не разбери-пойми — лазает, бегаёт и летает! И я для таких дупла долбил!

— Не жалея, Дятел, нос — лучше нас пожалей, — слышится из дупла. — Для птиц-дуплогнёздников вывешивают скворечники и дуплянки, а у нас на тебя вся надежда. А для леса от нас — только польза.

— Да назовись ты хоть! — осмелел Дятел. — Или высунись на минутку.

— Ночная я, — глухо слышится из дупла. — Сплю сейчас. Вот вечером приле-

тай — увидишь. А зовут меня Полетухой, Летучей Белкой, а чаще — Летягой. Растопырю лапки, распластюсь, растяну складочки на боках — и планирую. Всем на удивление!

— Три дупла, а ни одной птицы, — подсчитал Дятел. Подлетает к четвёртому, хотел прицепиться, а дупло-то... гудит! Сердито гудит — не подходи. Пчёлы в дупле живут. Так и роятся у входа: туда-сюда, туда-сюда! Из дупла резко и налегке, в дупло тяжело — с пыльцой-обножкой*. Теперь это их дупло — попробуй тронь!

Дятел и спрашивать не стал — и так ясно. Не звери, не птицы — насекомые поселились. И тоже не бесполезные: цветы опыляют, мёд собирают. Пусть живут.

— Твоя взяла! — крикнул Дятел садовой Соне. — А я-то думал, что только птиц-дуплогнёздников домами одариваю. А в лесу и другие дуплогнёздники есть. Да какие ещё диковинные: мыши летучие и летучие белки, пчёлы работающие и ленивые — сони...

— Живи! — крикнул Дятел. — Все жи-

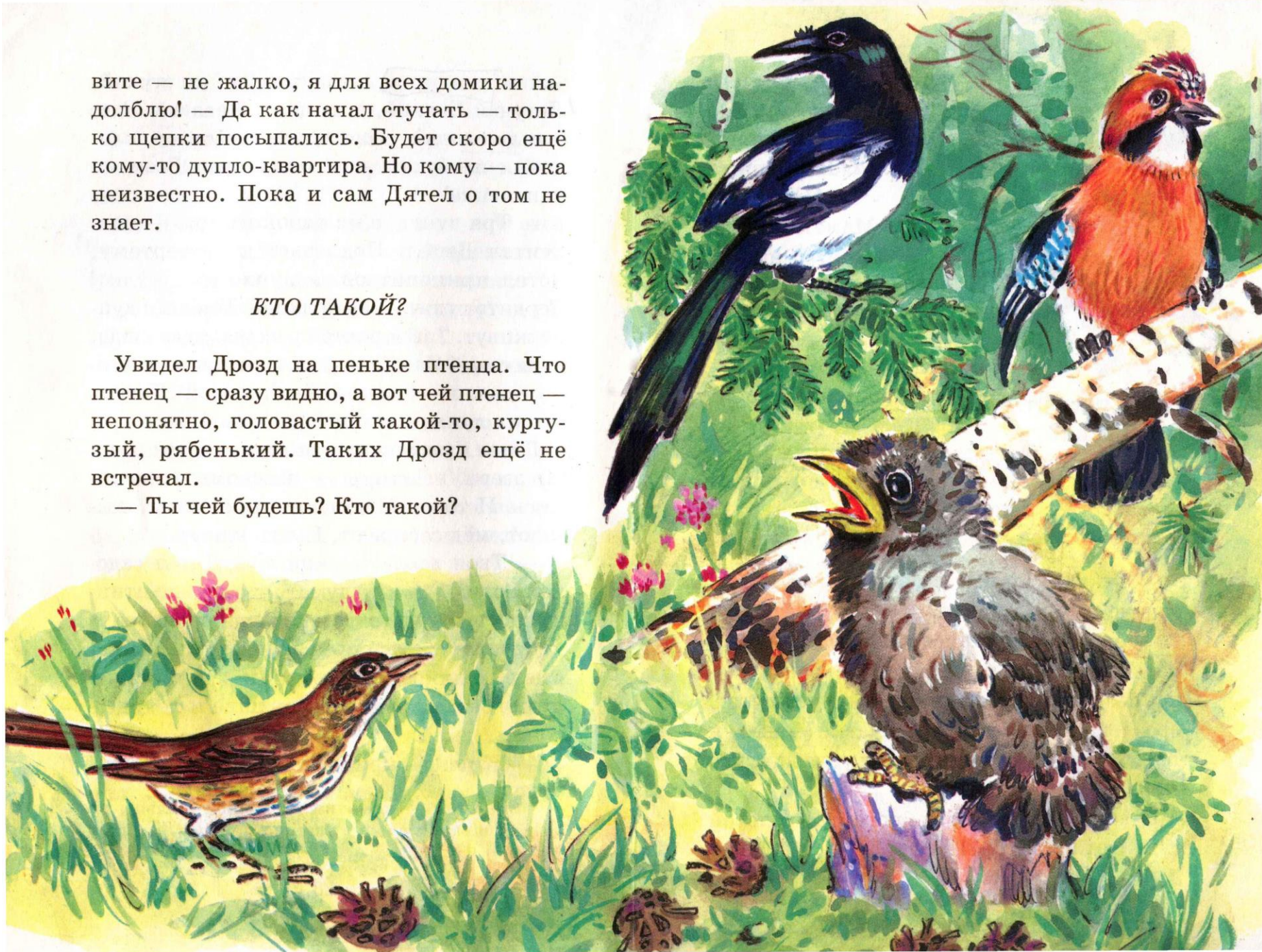
* Обножка — комочки цветочной пыльцы на задних ножках пчелы: так она приносит пыльцу в улей.

вите — не жалко, я для всех домики надолблю! — Да как начал стучать — только щепки посыпались. Будет скоро ещё кому-то дупло-квартира. Но кому — пока неизвестно. Пока и сам Дятел о том не знает.

КТО ТАКОЙ?

Увидел Дрозд на пеньке птенца. Что птенец — сразу видно, а вот чей птенец — непонятно, головастый какой-то, кургузый, рябенький. Таких Дрозд ещё не встречал.

— Ты чей будешь? Кто такой?

А птенец в ответ только глазами моргает. И говорит:

— Не знаю... Маленький я ещё, чтобы знать!

— Маленький, а из гнезда выскочил! —

Дрозд говорит. — Зачем выскочивал, коли маленький?

— Захотел и выскочил! — стрекочет птенец.

— Лучше бы знал, как тебя зовут, — обиделся Дрозд.

— Откуда мне знать, как меня зовут, если мне не говорил никто?

— А ты прислушайся к голосам, — говорит Дрозд птенцу. — Сейчас все своих птенцов созывают: тетери тетеревят, утки утят, дрозды дроздят, галки галчат... Может, и тебя родители позовут. Вот и узнаешь, кто ты есть.

Птенец прислушался, повертел головой туда-сюда и задремал.

— Чего же ты никому не отзываешься? — спрашивает Дрозд.

— А кому? — открыл глаза птенец. — Я же не знаю, кто я? Кому же мне откликаться?

«Да, — задумался Дрозд. — Вот это птенец так птенец — безымянный. Первый раз такого встречаю».

— А где ты сидел на дереве — на ветке или в гнезде?

— Ни в гнезде, ни на ветке — в дупле сидел. Темно, и ничего не видно. Высунулся посмотреть и упал...

— Слушай меня внимательно! — Дрозд птенцу говорит. — Вот я — Дрозд. А она — Сорока. А вон на ветке вниз головой висит — Синица. У каждого есть своё имя. А ты кто такой?

— Синичонок он, скорее всего! — говорит Сойка. — Синичата всегда по дуплам сидят. Эй, Синица, тут синичонок сидит — не твой ли выскочил?

Синица перевернулась, глянула быстрым глазом и снова повисла вниз головой.

— Что вы, — пи-

щит, — да он один больше всей моей дюжины!

Тут снова вступился Дрозд:

— Хоть помнишь, какого цвета было яичко, из которого ты вылупился? Или и это не помнишь?

— Как же мне помнить, если я из яичка вылупился? — удивился птенец. — Да и в дупле-то темно.

— И верно... — опечалился Дрозд — Вот дела...

А Сойка спрашивает:

— А кормил тебя в дупле кто? Их-то уж должен помнить!

— Кормили меня хорошо. А вот кто кормил — не разглядел. Я рот свой так разевал, что ничего перед собою не видел. А проглочу, рот закрою — и нет уже никого!

— Может, ты хоть голоса запомнил? Учили же тебя папа с мамой свистеть! Свистни, мы тебя по голосу и узнаем.

— Голоса я хорошо помню. А вот повторить не могу. Почему-то не получается у меня! Чей же я, а? — захныкал птенец.

Задумались Синица, Сойка и Дрозд. Увидела их Кукушка, подлетела из любопытства.

— О чем, соседи, задумались? — спрашивает.

— Так и так, — отвечают, — птенец тут ничейный: сам себя не знает, и его не признаёт никто! Не твой ли, случайно, а?

Посмотрела Кукушка на птенца и отвернулась:

— Откуда мне знать, я ведь птенцов своих никогда не видела. Мне до птенцов дела нет.

Посмотрел и птенец на Кукушку.

— Нет! — говорит. — Другие меня кормили. Эта какая-то серая и чужая, а у тех, помню что-то красновато-рыжее было!

И тут появляется Горихвост: рыжеватая грудка, красноватый хвост! И тревожно кричит:

— Фють, цик-цик! — Что значит: «Волнуюсь, сынок у меня потерялся!»

— Есть тут один красноротый, — ответил Дрозд. — Но на твоего совсем не похожий. Неизвестно чей!

Взглянул Горихвост на птенца и обрадовался.

— Фють, цить-цить! — кричит. — Миленький, миленький, мой!

И птенец Горихвоста узнал:

— Так вот кто, значит, я — Горихвост!

И поскорее разинул свой красный рот, чтобы его накормили. Горихвост сел птен-

цу на голову и сунул в рот большущую гусеницу.

— Ничего себе! — ахнул Дрозд. — Папа втрое меньше сынка! На голове у него сидит!

— А сын-то и впрямь ни в мать, ни в отца... — прошептала Синица.

А было так. Кукушка подкинула горихвостам яйцо — и горихвостки высидели кукушонка. И считают его родным. И он их считает родными. И рады они друг другу и друг без друга никак не могут. А родная Кукушка птенца не признала. И он родную мать не узнал: они ведь никогда не встречались.

НЕПОСЛУШНЫЕ МАЛЫШИ

Вот и макушка лета — июль. Весенняя суматоха закончилась, осенние хлопоты ещё не начались. В жаркий полдень такая в лесу тишина, что кажется, в нём и не живёт никто. А если и живёт, то забот не знает. Но так только кажется: лес полон зверей и птиц, а забот у них даже прибавилось.

Сидел Медведь на поляне, пень крошил. Прискакал Заяц и говорит:

— Беспорядки, Медведь, в лесу. Малые старых не слушают.

— Как так?! — рявкнул Медведь.

— Да уж так! — отвечает Заяц. — Все по-своему норовят. Во все стороны разбегаются.

— Ну что ж, Заяц, пойдём поглядим, что к чему.

Пошли Медведь и заяц по лесам, полям и болотам. Только зашли в лес густой — слышат:

— Я от бабушки

